

ПРИЧИНА, ДЕЙСТВИЕ, СЛЕДСТВИЕ

Мотренко Т.В., Гаврилюк В.А. (г. Киев)

Аннотації

в статті дається аналіз таких філософських категорій, як причина, дія, наслідок, які мають важливе значення для аналізу соціальних процесів; розуміння причинності як першої ланки сходження до субстанції; ототожнення причини і дії в контексті гегелівської філософії; аналіз умов, які приводять до певної причини та спричиняють до трансформації відносин.

In the article the author gives the analysis of such philosophical categories as reason, action, result, which have an important value for the analysis of social processes; understanding of causality as first link of ascent to the substance; equation of reason and action in the context of Hegel's philosophy; analysis of terms which result in certain reason and draw to transformation of relations.

Ключові слова

ПРИЧИНА, ДІЯ, НАСЛІДОК, ДЕТЕРМІНАЦІЯ, МОНІЗМ, СУБСТАНЦІЯ, СХОДЖЕННЯ, АКТИВНІСТЬ, ПРИЧИНИ

Введение

Причинение есть производство причиной следствия, и это указание на ее производительный характер составляет специфическое категориальное содержание причинности [1, с. 29–30]. Всякое иное содержание, которое нередко связывают с причинностью, будет характеризовать то ли специфику причинения в отдельных областях действительности, то ли уровень развития причинного отношения (стало быть, большую или меньшую степень развитости производительной способности причины), то ли, наконец, представляет собой неоправданное заимствование содержания иных категорий. Другими словами, все то, что указывает на производительный характер отношения вещей, входит в категориальное содержание причинности, все остальное относится к содержанию иных категорий. И эта «содержательная атомарность» понятия причины, его «логическая неделимость», наличие одного-единственного атрибута, определяющего его специфику, свидетельствует о его мономорфности, т.е. об отсутствии модификаций данной категории – модификаций, которые имеются у многих других категорий (например, у необходимости, которая может выступать и как вынужденность, и как неотъемлемость). Наличие другой модификации у причины означало бы, что причинение, помимо указания на производство следствия, имеет еще некую иную специфическую определенность, что противоречит вышесказанному.

Цель статьи:

– раскрыть сущность и значение социально-философских категорий – причина, действие, следствие;

- проявить понимание причинности как первого звена восхождения к субстанции;
- проявить отождествление причины и действия в контексте гегелевской философии.

Обсуждение проблемы

Мономорфность причинности есть проявление монизма субстанции. Как начальная категория действительного (субстанциального) бытия, причинность составляет первую ступень «шестивия субстанции к самой себе» и потому оказывается самым простым и абстрактным ее выражением [2, с. 39–41]. Но, с точки зрения диалектической логики, самый абстрактный – значит отображающий (хотя и неразвитым образом) самую глубокую содержательную сторону сущности (в отличие от логики формальной, где степень абстрактности, так сказать, обратно пропорциональна содержательности абстракции). Ведь первое, исходное отношение, с которого начинается формирующийся предмет (и которое в диалектической логике обозначается как самая глубокая абстракция его сущности), есть отношение, без которого вообще невозможно бытие данного предмета, независимо от того, на каких фазах развития он находится. Это исходное отношение на последующих ступенях развития конкретизируется, «обрастает», дополняется другими отношениями, и если бы, допустим, эти «дополнительные» отношения исчезли, то предмет регрессировал бы к своему начальному состоянию, т.е. остался бы тем же предметом, хотя и на более низкой ступени развития. Но если исчезнет самое исходное отношение, то исчезнет сам предмет как таковой, ибо оно образует не только основу всех остальных отношений, приобретаемых предметом в процессе созревания, но и составляет необходимый момент их бытия. Образно говоря, без этих последних предмет «худобедно может прожить», но без исходного отношения он жить не сможет вообще. Поэтому в исходной абстракции, если ее понимать диалектически, имплицитно заложено самое глубокое сущностное отношение. Потому-то, кстати, так трудна проблема начала научной теории: в роли последнего может выступить не любое отношение, каким бы простым оно ни было, а только такое, которое в абстрактном виде имплицитно содержит в себе самое фундаментальное отношение предмета.

Из сказанного следует, что причинность как первая ступень непосредственного восхождения к субстанции действительно заключает в себе имплицитно фундаментальную черту последней, – то, что она есть внутреннее единство предмета, производящее из самого себя все его формы. Это единство, монизм субстанции и выражается в мономорфности причины как производящей силы. Впрочем, монизм причинения ни в коем случае не должен ассоциироваться с примитивной простотой его осуществления. Это сложный, многократно опосредствованный разнородными условиями и обстоятельствами процесс. Но из такого понимания причинения вытекает нетождественность причины и её действия.

В нашей литературе господствует скорее противоположная, идущая от Гегеля, точка зрения, будто причина и действие тождественны. «В действии, – пишет Гегель, – нет иного содержания ... чем в причине...» [3, с. 331]. «Мы говорим о причине, что она есть причина лишь постольку, поскольку она вызывает действие, и о действии – что оно есть действие лишь постольку, поскольку оно имеет причину. Причина и действие, следовательно, по содержанию одно и то же, и различие между ними представляет собой ближайшим образом лишь различие между *полаганием* и *положенностью*...» [3, с. 333].

Следует, однако, иметь в виду, что отождествление причины и действия понадобилось Гегелю для обоснования тезиса, что причина лишь «по видимости производит некое другое» [4, с. 345], – тезиса, который, в свою очередь, нужен был ему для того, чтобы источником развития, действительной творческой силой объявить понятие, а не субстанцию и причину как форму, через которую субстанция «шествует» к понятию. Уже это должно было бы насторожить логиков-материалистов. А если взять во внимание тезис, что причина есть *производящая сила*, что она способна *творить* новое – то, чего не имелось ни в самой по себе причине, ни в отдельно взятых условиях, – то всплывают дополнительные основания усомниться в истинности упомянутого гегелевского тезиса. Ибо откуда, где (в какой «точке» причинного акта) и каким образом могло появиться это новое, если причина и её действие тождественны?

Но откуда все-таки протстекает это различие причины и ее действия? Как известно, причину надобно отличать от условий; это – весьма разные по своей природе формообразования. Только причина является производящей силой. Известно и то, что при отсутствии условий причина *не может действовать*. Стало быть, действие причины предполагает *участие* условий; иначе говоря, условия участвуют в действии причины, притом так, что без этого не было бы самого причинного действия, т.е. участвуют *непосредственно*, входя в содержание самого действия, и это проявляется уже хотя бы в том факте, что в ходе действия осуществляется также *перенос* содержания условий на конечный результат. Поскольку же условия переносят свое содержание на конечный результат только посредством причинного действия (иных путей и средств для осуществления данной акции не имеется), то, следовательно, само причинное действие, как «переносчик» названного содержания (содержания условий), должно заключать, «нести» это содержание в себе, т.е. содержание условий *должно входить в содержание действия*.

Итак, действие есть действие причины, и только ее одной. Однако содержание этого действия не тождественно содержанию самой по себе причины; оно заключает в себе также содержание условий, *захватывает* это содержание и несет его в себе. Способность захватывать «чужое» содержание определена спецификой причины как активной производящей силы, стало быть, и спецификой самого действия как *полагания* причиной самой себя.

Это наглядно прослеживается на примере труда как производительного процесса. «Рабочий, – пишет Маркс, – не работает вдвойне в одно и то же время: один раз, для того чтобы своим трудом присоединить к хлопку стоимость, а другой раз, для того чтобы сохранить старую стоимость хлопка, или, что то же, для того чтобы на продукт, на пряжу, перенести стоимость хлопка, который он перерабатывает, и веретен, которыми он работает. Старую стоимость он сохраняет путем простого присоединения новой стоимости. Но так как присоединение новой стоимости к предмету труда и сохранение старых стоимостей в продукте суть два совершенно различных результата, достигаемых рабочим в одно и то же время, хотя в это время он работает не вдвойне, то эта двойственность результата, очевидно, может быть обеспечена лишь двойственным характером самого его труда. В одно и то же время труд, в силу одного своего свойства, должен создавать стоимость, а в силу другого свойства должен сохранять или переносить стоимость» [6, с. 210].

И далее: «...в своём абстрактном общем свойстве, как затрата человеческой рабочей силы, труд прядильщика присоединяет к стоимости хлопка и веретен новую стоимость, а в своем конкретном, особенном, полезном свойстве, как процесс прядения, он переносит на продукт стоимость этих средств производства и таким образом сохраняет их стоимость в продукте. Отсюда двойственность результата труда, совершаемого в одно и то же время.

Простым количественным присоединениям труда присоединяется новая стоимость, вследствие же особого качества присоединяемого труда старые стоимости средств производства сохраняются в продукте» [6, с. 211–212].

Если сопоставить эту характеристику труда как производительного действия с тезисом о тождестве причины и действия (т.е. с утверждением, что нет ничего в действии, чего бы не было в причине), то нетрудно прийти к заключению, что в упомянутом тезисе берется во внимание только воспроизводство стоимости рабочей силы в продукте. Все остальные моменты трудового действия здесь выпадают из поля зрения. Иначе говоря, если придерживаться названного тезиса, то пришлось бы заключить, что в процессе труда рабочая сила полагает только самое себя и ничего более. А это значит, что, принимая данный тезис, мы односторонне берем во внимание только абстрактный труд, упуская из виду конкретный труд, фиксируем лишь общую, но не учитываем особенную форму трудового действия, ограничиваемся рассмотрением чисто количественного присоединения труда как затраты рабочей силы вообще и оставляем вне поля зрения его особенное качество. Можно поэтому сказать, что упомянутый тезис выражает в целом механический взгляд на причинность, в основе которого лежит метафизический разрыв и противопоставление количественной стороны качественной, общего – особенному, абстрактного – конкретному, одностороннее преувеличение первых и недооценка или полное игнорирование вторых. И коль этот тезис принимается диалектическими философскими системами Гегеля и

марксизма, то это свидетельствует лишь о том, что в вопросе о причинности они еще не преодолели в самих себе свою собственную противоположность – метафизику.

Попутно заметим, что если бы содержание причины было тождественно содержанию действия, то в физике, видимо, не возникала бы потребность иметь, наряду с понятием силы, также и понятия действия, которые различаются между собой не только по размерности, но и по величине. Сила, вступив в действие, «модифицируется» условиями, которые, «присоединяясь» к ней, не только изменяют её величину, но сказываются на характере, способе протекания самого действия и его результата (примерно так же, как на характере действия закона сказываются условия его осуществления). Думается, что при разработке логических оснований физической теории всё сказанное выше насчет структуры причинения, соотношения причины и действия может оказаться не бесполезным, тем более, что здесь имеются точки соприкосновения с логикой развертывания стоимостного отношения, довольно таки хорошо изученной.

Не только действие не совпадает с причиной, но и результат действия, следствие, не совпадает как с причиной, так и с самим действием. Последнее надо подчеркнуть особо.

Действие причины направлено на предмет и изменяет его. Но изменить предмет можно только по законам самого предмета, в соответствии с этими законами, которые составляют его содержание, стало быть, *не нарушая* это содержание. Иначе говоря, действие изменяет *только форму* предмета.

Это – общее правило. «Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т.е. может изменять лишь формы веществ» [6, с. 188]. Поэтому сам труд есть «формообразующий огонь», а продукт труда, потребительная стоимость, есть «вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения его формы». Стало быть, содержание причинного действия направлено на изменение формы предмета, целиком расходуется на это формообразование, поглощается без остатка в ходе преобразования его формы.

Но форма предмета связана с содержанием, организует его, и потому изменение формы означает также изменение способа и характера действия самого содержания. И если результат действия причины (т.е. измененный предмет) взять с точки зрения единства его формы и содержания, т.е. с учетом действия самого содержания предмета в условиях измененной формы, то этот результат (следствие причины) будет, конечно же, не равен содержанию самого причинного действия. Иначе говоря, с изменением формы предмета вступает в действие, «высвобождается» такое содержание его, которое не совпадает с содержанием причинного действия, не «перекрывается» им и может оказаться значительно больше того действия, которое требовалось для изменения самой формы. Кстати, именно в этом суть так называемой

«пусковой» причины, которая «инициирует в объекте развертывание внутренних процессов, использование внутренних источников энергии, разрешение внутренних противоречий» [5, с. 90]. Причем было бы ошибочно трактовать «пусковые» причины как особый вид причинения, как иногда полагают [7, с. 160], ибо это черта всякой причины, только в одних случаях этот феномен менее заметен, а в других он выходит на первый план. Хотя концепция «малых причин больших событий», где вместо причины берется некий частичный или побочный фактор, который вынуждает практически «созревшую» причину вступить в действие, в целом несостоятельна, однако она спекулирует на том реальном, истинном обстоятельстве, что для изменения формы порой достаточно незначительных усилий, тогда как силы высвобожденного содержания могут оказаться поистине огромными.

Отмеченное несовпадение причинного действия с его результатом позволяет, например, объяснить (разумеется, с логической, а не с экономической или социальной точки зрения) феномен прибавочной стоимости, саму возможность появления последней, иначе говоря, ответить на вопрос, почему рабочий способен произвести большую стоимость, чем стоимость его рабочей силы и перенесенная стоимость израсходованных средств производства. Согласно вышесказанному, рабочая сила расходуется на изменение *формы* предмета, в результате чего он становится потребительной стоимостью. Для воссоздания же рабочей силы используется *содержание* произведенных продуктов, потребительных стоимостей. Но деятельное, «полезное» содержание произведенного продукта, как говорилось, может быть (и, как правило, бывает) больше, в эквивалентном исчислении, чем содержание (величина) трудового усилия, потраченного на его изготовление. Поэтому рабочий, затратив определенное усилие, способен произвести продукт, который по своему полезному эффекту эквивалентен значительно большему усилию. Если допустить, что рабочий производит тот же продукт, который нужен для воспроизводства его же рабочей силы, и если принять, что полезный эффект («полезное содержание») этого продукта в два раза превышает усилие, требуемое для его изготовления (для придания ему надлежащей формы), то в результате окажется, что в течение рабочего дня он производит в два раза больше продуктов, чем это необходимо для компенсации израсходованной им же рабочей силы. Стало быть, он способен произвести в два раза большую стоимость, чем стоимость его рабочей силы, которая, как известно, измеряется величиной стоимостей, израсходованных на её производство.

Как видим, то обстоятельство, что наше действие на вещи направлено на изменение их формы, тогда как «обратное действие» этих вещей на нас заключается в присвоении их содержания, – именно это обстоятельство обеспечивает своеобразный антиэнтропийный эффект, когда мы накапливаем больше энергии, чем расходует, когда, стало быть, энергия не рассеивается, а концентрируется, из пассивной, потенциальной, «обесцененной» превращается в активную, деятельную, кинетическую,

«живую», – эффект, который по своей внешней видимости предстает как нарушение закона сохранения энергии, как возникновение энергии «из ничего» и который, стало быть, может служить эвристической моделью для объяснения других случаев видимого нарушения данного закона. И не исключено, что более пристальный логический анализ отмеченных обстоятельств позволит глубже вникнуть в природу и способ осуществления более высоких, чем механическая, форм движения и взаимодействия, позволит открыть в них нечто подобное вышеотмеченному, – то, например, что предмет воспринимает внешнее действие своей формой, её непосредственным изменением, тогда как отвечает на внешнее действие, противодействует ему уже не формой, а своим содержанием, так что в итоге оказывается, что здесь реальное действие не равно реальному противодействию. Впрочем, так, видимо, и должно быть в тех случаях, когда речь идёт о возникновении нового, о переходе от низших к высшим уровням организации материи, одним словом, о развитии в строгом смысле слова.

Исследование эффектов, в основе которых лежит сложная связь причины, её действия и следствия, составляет один из аспектов синергетики – теории диссипативных структур, неравновесных состояний. Экспликация объективной логики связей, открываемых этой новой и многообещающей научной дисциплиной, позволит, судя по всему, глубже вникнуть в самое философскую концепцию причинения, уточнить и конкретизировать её.

Завершая тему, отметим, что в качестве категории, соотносительной с причиной, нередко берут действие, тогда как следствие соотносят с основанием («причина и действие», «основание и следствие»). Скорей всего, так поступают, следуя Гегелю и Энгельсу, у которых встречаются подобные связки. Суть дела, однако, в том, что при таком подходе к названным понятиям, с одной стороны, утрачивается специфическое содержание категории следствия, а с другой, – нивелируется различие между обоснованием и причинением – различие, которое надо строго учитывать, если вообще желают оперировать основанием как особой логической категорией.

Причина *производит* следствие как нечто новое, которое непосредственно не заключалось ни в самой по себе причине, ни в самих по себе условиях её действия, ни в непосредственном единстве причины и условий. Причем именно это «приращение», «надбавка» над содержанием причины и условий как раз и составляет специфическое отличие следствия от того и другого, взятых как вместе, так и поодиночке. В противоположность этому, основание *не производит* обоснованное, – оно лишь обосновывает его, опосредствует его функционирование, т.е., образно говоря, придает ему надлежащие «подпорки», которые позволяют ему «нормально», в соответствии с собственной природой существовать. Например, деньги как имманентное основание обмена товаров не создают сам обмен (а тем более – не производят товары, участвующие в обмене); наоборот, сами они возникают из внутренних потребностей обмена, более

того, представляют собой превращенную форму товара. Но с их возникновением обмен товаров, который ранее основывался на факторах, находящихся за его пределами, встает, как говорится, «на собственные ноги», осуществляется (как в количественном, так и в качественном отношении) адекватно их собственной природе.

Из сказанного следует специфическое отличие обоснованного и следствия: следствие производится причиной, оно есть то и только то, что возникает в результате причинения; обоснованное же, наоборот, ни в коей мере не производится основанием, ибо все содержание обоснованного существовало (или вполне могло существовать) и до появления его *собственного* основания, так что уже *по этому признаку* его никак нельзя назвать следствием.

Выводы

Стало быть, увязывая основание и следствие, рассматривая их как соотносительные категории, мы вносим в дело изрядную путаницу, нивелируя отмеченные выше различия, и в итоге утрачиваем специфическое содержание каждой из названных категорий. К тому же категория следствия является излишней для характеристики процесса обоснования: ее функции здесь лучше и точнее способна выполнить категория обоснованного. В то же время она (категория следствия) далеко не лишняя для характеристики причинения, ибо категория действия, исключительно с которой порой соотносят причину, не оттеняет специфику причинения как производства нового в предмете, – не оттеняет того, что результат действия не тождествен причине. Стало быть, для характеристики причинения требуется не только категория действия, которая призвана выразить, высветить активность причины, но также (и прежде всего) категория следствия – для обозначения ее творческой способности, ее созидательной мощи – способности произвести некую «прибавочную стоимость», прибавочное содержание.

Там же, где ограничиваются лишь указанием на то, что причина действует, но не фиксируют специально результат этого действия, не противопоставляют этот результат самому действию и вызвавшей его причине, где, стало быть, не берут категорию следствия как соотносительную с категорией причины, – там упомянутая способность причины производить «прибавочное содержание» попросту, как у Гегеля, выпадает из поля зрения, категориально не выражается и в итоге утрачивается специфически диалектическое понимание причинности, ее субстанциальный характер. Последнюю тогда легко спутать то ли с функциональной зависимостью, то ли со связью состояний, то ли вообще объявить фикцией, что великолепно было продемонстрировано субъективным идеализмом..

Предложенный подход к причинению позволяет, как видим, рассмотреть его как сложный, многоплановый процесс, учесть многочисленные связи с зависимостями между его ингредиентами, что указывает на его эвристичность и методологическую нагруженность.

Перспективы дальнейшего научного исследования: выведение категорий в гегелевской философии.

Источники

1. Гаврилюк В.А. Диалектика как теория развития. – Краматорск, 1992. – 72 с.
2. Гаврилюк В.А., Мотренко Т.В. Основные ступени развития. – К.: Слово, 2006. – 47 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – Т. 2. – М.: Мысль, 1971. – 248 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1975. – 452 с.
5. Жданов Ю.А. Пусковая причинность // Вопр. философии, 1976, №6.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – 773 с.
7. Материалистическая диалектика как научная система / Под ред. А.П.Шептулина. – М.: Изд-во Моск. ун-та., 1983. – 295 с.
8. Шептулин А.П. Система категорий диалектики. – М.: Наука, 1967. – 375 с.

Статья поступила 05.02.2008 г.